

**«Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина
и балладное творчество А.К. Толстого.**

Немалую славу А.К.Толстой получил как автор «исторических песен» и баллад. Поэт с удовольствием распространялся о своей любви к изучению русских летописей и трудов известных датских историографов, и до сих пор исследователи его сочинений «реальным» комментарием к ним пытаются подтвердить «историзм» его творческого зрения. Между тем, в большинстве случаев «историчность» толстовских сюжетов – мнимая: куда более существенным оказалось влияние не многих исторических фактов, а сюжетной схемы одного литературного источника – пушкинской «Песни о вещем Олеге».

Восхищение Толстого пушкинской балладой определило создание следующих стихотворных произведений: «Василий Шибанов» (1840-е), «Пустой дом» <1849>, «С ружьем за плечами, один, при луне...» (1851), «Колышется море; волна за волной...» <1856>, «Чужое горе» <1866>, «Змей Тугарин» (1867), «Ричард Львиное Сердце» (перевод из Г.Гейне) <1868>, «Песня о Гаральде и Ярославне» (1869), «Песня о трех побойщах» (1869), «Песня о походе Владимира на Корсунь» (1869), «Гакон Слепой» (дек. 1869 или янв. 1870), «Роман Галицкий» (1870), «Поток-богатырь» (1871), «Садко» (1871 – 1872), «Канут» (1872), «Слепой» (1873).

Можно попытаться реконструировать тот инвариантный сюжет с его открытыми границами, образ которого, очевидно, представлял себе Толстой как читатель «Песни...». В этом сюжете, воспринятом пушкинским последователем, действуют: «могучий» герой (являющийся или могущественным властителем, или сильным воином - или же выполняющий обе названные функции) и его «свободный» собеседник (в большинстве случаев этот персонаж у Толстого будет выполнять подчиненную функцию, а в некоторых сюжетах так и не появится). Героя окружают дружина и/или «отроки» (вообще слуги). Место действия – поле близ леса (или лес) и княжеская пиршественная зала (пиршество может быть перенесено в поле/лес). Время – давнее «историческое» прошлое. Наличие двух персонажей обеспечивает ситуацию и, следовательно, форму диалога (и в тех случаях, когда собеседник – «alter ego» героя).

Собеседник предрекает герою будущее (неизбежное или возможное). Герой противоречиво относится к предсказанию (Толстой обратил внимание на описание психологической реакции Олега на слов волхва). Как и в исходном, так и в варьирующих сюжетах князь/воин часто изображается в роли всадника. Поэтому особое значение для Толстого приобретает заявленный в источнике мотив передачи коня, который в собственных сочинениях поэта временами будет выглядеть предельно трансформированным (но, как правило, будет фиксироваться реминисценциями).

И еще две «мелочи» в тексте «Песни...» оказались существенными для последователя Пушкина, а затем отразились в его сочинениях. Во-первых, дважды был упомянут Цареград («в цареградской броне», «щит на вратах Цареграда»). Во-вторых, сюжет Пушкина проявлял цикличность и периодичность, так как концы трех строф объединяла рифма *меня – коня*, а еще в двух строфах обнаруживался завершающий и объединяющий их рефрен «...поминают минувшие дни/ И битвы, где вместе рубились они» (таким образом Пушкин придал цикличность – соответственно - речи Олега и вообще сюжету).

Толстого завораживали сюжет и язык «Песни...», но прежде всего - ее ритмико-интонационный строй и запоминающаяся строфика с ее метрическим порядком и узором рифм. Схему строфы «Песни...» представим следующим образом: Ам 4_м3_ж4_м3_ж4_м4_м, где Ам – постоянный амфибрахий, 4 или 3 – количество стоп в стихе, а «м» и «ж» - мужские и женские клаузулы соответствующих стихов. Изображая далее схему какой-либо из толстовских строф, *скобками* будем обозначать *позицию изменения*. *Наращение* исходной строфы будет фиксироваться, например, так: (3_ж3_ж) - т.е. в скобках будет ука-

зано количество стихов с числом стоп и типом клаузул каждого. А *усечение* строфы изобразим так: (-).

Теперь посмотрим, какие пути трансформации пушкинской строфы обнаружил Толстой. 1) *Изменение стихового состава*. В «Василии Шибанове» поэт добавил к исходной схеме два дополнительных стиха $3_{ж}3_{ж}$ и получил строфу $Ам\ 4_{м}3_{ж}4_{м}3_{ж}4_{м}4_{м}(3_{ж}3_{ж})$. Нарастание встречаем и в стих. «Колышется море; волна за волной...»: $Ам\ 4_{м}3_{ж}4_{м}3_{ж}4_{м}4_{м}(3_{ж})$. А в балладе «Чужое горе» автор отсек от пушкинской формы последние два стиха с парной рифмовкой, но потерю компенсировал их переносом на позицию третьего стиха. Эту новую схему $Ам\ 4_{м}3_{ж}4_{м}(4_{м})3_{ж}(-)$ Толстой в дальнейшем использовал в балладах «Змей Тугарин», «Песня о походе Владимира на Корсунь», «Слепой». От нее же он оттолкнулся, создавая строфу «Гакона Слепого» - $Ам\ 4_{м}3_{ж}4_{м}(4_{м})3_{ж}4_{м}(-)$ ($2_{м}2_{ж}$). А следуя исключительно по пути усечения заданной Пушкиным строфы, Толстой упростил ее до катрена в «Песне о Гаральде и Ярославне»: $Ам\ 4_{м}3_{ж}4_{м}3_{ж}(-)$. Та же форма появится в «Песне о трех побоищах», в балладах «Садко» и «Канут».

2) *Изменение состава рифм*. В стих. «Пустой дом» заменил в образцовой схеме женские клаузулы мужскими и получил форму $Ам\ 4_{м}3_{м}4_{м}3_{м}4_{м}4_{м}$ (при этом заданная Пушкиным схема рифмовки АВАВСС сохранялась).

3) *Изменение метра*. В сатирической балладе «Поток-богатырь» Толстой «доусовершенствовал» строфу «Василия Шибанова» и получил схему $Ан\ 4_{м}3_{ж}4_{м}3_{ж}4_{м}4_{м}(3_{ж}3_{ж})$. Для толстовских подражаний амфибрахий оказался самым устойчивым признаком!

4) *Отказ от строфической формы как таковой*. В балладе «С ружьем за плечами, один, при луне...» использование двух строф с неизменённой исходной схемой, которыми был выражен монолог «alter ego» героя, автор завуалировал общей астрофической формой стиха. Более удачно стремление скрыть зависимость собственного текста от пушкинского воплотилось в «Романе Галицком», где на всех уровнях текста пушкинское влияние ощущается значительно слабее. Однако в первом из двух стиховых абзацев строки 1-6 и 16-21 имеют четкое соответствие строфической схеме «Песни...».

Сюжетные и строфические соответствия, а также частые реминисценции свидетельствуют о том, что многолетнее влияние одного пушкинского текста на Толстого-балладослагателя оказалось более глубоким, нежели влияние соответствующей исторической литературы на Толстого-читателя.

В.Б.Семёнов

Источник: А.С.Пушкин и мировая культура: Международная научная конференция. Материалы. М., МГУ, 1999. С. 112-114.